

ЕКАТЕРИНА РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

Рейс
МОСКВА-
ПРИЖ

18+

Екатерина Робертовна Рождественская

Рейс Москва – Париж

Серия «Крещенские», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73922852

*Рейс Москва-Париж:
ISBN 978-5-4461-4579-9*

Аннотация

Долгожданное продолжение семейной саги Крещенских на фоне исторических событий великой страны в период с 1986 по 1992 год. Книга о доме, куда хочется возвращаться снова и снова, о большой творческой семье, где встречаются широко и хлебосольно, говорят и шутят громко, а любят – тихо и искренне. Здесь ведут разговоры о жизни, здесь любят друзей, варят цитрусовое варенье, делают настойку «крещенку», а великий поэт пишет новые стихи, которым суждено стать шедеврами и символами эпохи.

Роман «Рейс Москва – Париж» о любви без громких слов, о памяти, которая хранится в жестах и интонациях, о том, что именно семья – наш источник силы на всю жизнь. Заходите на огонек! Поговорим по душам...

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Наконец дома	5
Карие вишни	26
Зараза	37
Авария	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Екатерина Рождественская

Рейс Москва-Париж

© ООО Издательство "Питер", 2026

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Наконец дома

Ребенок родился важный, розовый и щекастый, просто маленький сказочный начальник. Катя разглядывала его с восхищением и недоумением – неужели это неуклюжее существо, этот четырехкилограммовый батончик почти на полгода приковал ее к больничной койке из-за своего слишком свободолюбивого характера?

Сестра и все остальные любимые встречают из роддома!

А что же будет дальше?

Но она все равно постоянно улыбалась, стоило ей взять писклявый комочек на руки. Младенчик поворачивал лицо туда, где было теплее и пахло вкуснее, к груди, и жадно ра-

зевал рот в надежде, что ему подсунут что-то стоящее.

– Поживешь у нас на Горького, Кукочка, – сказала мама. – На дачу пока боязно: далеко все-таки, а здесь все врачи под рукой. Да и Дементий еще окончательно не вернулся, а так будете все время под присмотром и нам на радость.

Возражать было ни к чему, так действительно казалось разумнее.

Бабушка, Лидка, была на седьмом небе от счастья, сияла вся и лучилась глазами, – а как же, первый правнук, такой долгожданный, выстраданный и намоленный. Она и правда ежевечерне, перед самым сном, обращалась к вышестоящим инстанциям с молитвами, чтобы у Робочки, зятя, прошла, наконец, язва и он стал бы нормально жить, без постоянных врачей, скудных склизких диет и обилия таблеток; чтоб у дочки, Аллусиньки, хватало на все сил и здоровья, да и на работу над книжкой время бы оставалось; чтобы младшая внучка, Лизонька, росла доброй и здоровой девочкой. О самой себе Лидка тоже не забывала, здоровья очень просила: сердце ее все чаще барахлить стало, скорые прямо повадись приезжать к ней во двор с сиренами да мигалками. А ей так хотелось дожидаться, когда наконец и у старшей внучки, Катюли, исполнится заветная женская мечта...

Лежа в ночной темноте на своем диванчике, она неистово шептала молитву Пресвятой Богородице о чадородии, именно ей и обязательно отдельно от всех других просьб, выделяя ее теперь как самую главную. «Все равно, – обращалась она

к Богородице как к родной, – все равно, кого Катюля родит – мальчика ли, девочку, главное, чтоб род продолжить и тяжелое десятилетнее бездетное ярмо с внучки снять, мысли ее успокоить и упорядочить, пожалуйста, Пресвятая Дева, помоги. Ну, пожалуйста, услышь меня, грешную...» И вот наконец упросила. Лидка была уверена, что не без ее участия свершилось большое дело, ей очень хотелось так думать.

Лешка. Только из роддома

И вот теперь она сюсюкала, сладко замирая над новоиспеченным членом их большой семьи, коверкая все слова, которые только было возможно:

– Ну, ты же бозе же мой, какой птеньтик, ты же насе сясьтье, ты же нас ангелотек, – а потом, нервно поводя ноздрями,

расплывалась в еще более широкой улыбке:

– Ты з мое сясьтье, а кто это у нас так надул, сто у бабки даже нос сикотет? – игриво спрашивала она и распахивала правнучьи распашонки, радуясь возможности самостоятельно перепеленать младенчика. Хотя с такими мелкими мальчишками ей встречаться еще не приходилось, – а как же, две внучки. И как ухаживать за этим микроскопическим членком, Лидка понятия не имела, боялась даже смотреть в ту сторону, ведь привыкла совсем к другим размерам. Поэтому на всю квартиру звала подмогу в лице новой няньки, Валентины.

С няньками вообще были проблемы. Когда родилась Лиска, стали срочно искать помощницу. Вот так по чьей-то наводке пришла Нюрка. Худосочная, деревенская, со злым лицом и крючковатым носом. Но за ее порядочность поручились, и она прижилась, полюбив малышку всей душой. Прошли годы, как пишут в романах, и Нюрка обнаглела. Спустя восемнадцать лет ее пришлось выгнать, пока она не успела вынести весь дом. Что на нее на старости лет нашло – одному богу известно... И ведь надо же, удивлялась Лидка, сколько лет Нюрка целкой-невидимкой ходила, а в последнее время, с полгода уже, как с цепи сорвалась: продукты, особенно консервы, на кухне вообще не задерживались: из заказа, видимо, сразу к ней в котомку – и на выход. Да и обозлилась она чего-то вконец, огрызалась и похамливала, а Катерину так вообще терроризировала, взревновав к сестричке.

Взяли новую, Галину. Тоже не с улицы, а по хорошей рекомендации. Продержалась недолго. Баба была молодая, в соку, вот и начала потихонечку устраивать свою бабью жизнь, а попав к Крещенским, ей захотелось всего и сразу – первым делом ринулась подкатывать к их знаменитым друзьям, которые приходили в гости, заигрывать, кокетничать, чем вызывала у всех откровенное недоумение. Алена провела с ней серьезный разговор, попросила пыл поуменьшить и заниматься только своими прямыми обязанностями. Приставать к мужчинам на рабочем месте она перестала и перешла к другой тактике – стала обустривать свой быт и обновлять гардероб за счет состоятельных хозяев, одновременно ища мужа на стороне. Большекромая была Галина, разносторонняя – и постельное белье стало пропадать из шкафа, и Аллузины сапожки куда-то уплыли, новые, на приличном каблучке и с широкой золотой каймой – загляденье, две кофточки шелковые, которые Робочка ей из Японии привез, еще дорогие антикварные чашечки гарднеровские, три пары, зелененькие, с цветочками, прямо из буфета утекли. Правильно в народе говорят: самый скоропортящийся товар – это люди. И сколько это можно было терпеть? Стыд, да и только! Однажды еще и ондатровая шапка у гостя, у Оскара Фельдмана, пропала! Народа тогда пришло много: что-то Крещенские в очередной раз отмечали. Все пальто в кучу на диване свалили, а когда настало время уходить – все, Оскаровой шапки нет, вместо той ему старую подкинули, потертую

в нескольких местах, с оторванной завязкой, да и размера меньшего, а его новой, только что из ГУМа, и след простыл. Это у Крещенских-то в гостях! Позорище! Потом, правда, выяснилось, что кто-то из гостей случайно поменял, ну или сказал, что случайно. Время-то прошло, а подумали тогда, конечно, сразу на Гальку! Последней каплей стала пропажа изумрудного Лидкиного колечка, что вконец переполнило чашу терпения. Утром лежало в блюдечке – вечером магическим путем исчезло! Подговорила тогда Лидка одного своего хорошего знакомого, который все еще работал в театре, чтобы он Гальку-стерву приструнил и колечко изумрудное отжал. И что вы думаете – получилось! Он позаимствовал в театральной костюмерной милицейскую форму, важную, майорскую, и явился на Автозаводскую, по Галькиному адресу проживания. Уж о чем он с ней там говорил, чем пугал – неизвестно, но урожай превзошел все ожидания: на Горького вернулись сапожки с золотой полоской, колечко, то самое, с зеленым камушком, бирюзовые бусы и чешские гранатовые сережки, три пары перчаток женских кожаных, Робочкин кашемировый шарф, антикварный бронзовый подсвечник прямо со старой оплывшей свечкой, о котором даже никто и не вспомнил, три книжки из серии «Библиотека приключений» – «Похитители бриллиантов», «Записки о Шерлоке Холмсе» и «Три мушкетера», два цветастых отреза кримплена, которые Лидка со временем хотела превратить в платье, Лискины модные заколки для волос и новый крас-

ный свитер в обтяжку, две пары солнечных очков, три шелковых платка, кофеварка на одну чашку, которую Робочка привез когда-то давно из Америки, большая белая ракушка, которую ему подарили на Филиппинах, и настоящий австралийский бумеранг со стены. Целый чемодан добра, причем чемодан Крещенских...

Короче, с няньками не везло... Но что было делать – дом большой, без помощи никак. Снова бросились искать, кому только ни звонили, кого только ни просили! Но замена к Крещенским пришла, откуда не ждали – замена в лице простой русской бабы Валентины, дальней-предальной родственницы Лидкиного вечного гражданского мужа Анатолия, в просторечии Принца Мудилы. Принц поручился за нее, наговорил много хорошего и попросил пристроить в семью. Не работать та не могла, а завод, на котором она проишачила всю свою сознательную жизнь на каком-то важном конвейере, скоротечно отправил ее на пенсию.

Сочная и живая, без костлявости и возрастных признаков усталости, Валентина была добра, напориста и очень танцевальна от природы. Она пританцовывала при любой возможности: когда мыла полы – вокруг швабры, когда готовила кашку – около кастрюли, или просто была незатейливую чечетку в ожидании лифта, чем Лидку как бывшую балерину и подкупила.

Была она вроде как всем подходяща, но имела одну странность, которая вскрылась чуть позже. То ли это была ее

необъяснимая страсть, то ли откровенная глупость, хоть вроде как и мелочь, но она обожала покупать вещи в переходе у таких же, собственно, бабушек, как и она сама. Набирала всякого барахла, словно кто-то ее заставлял, потом приходила домой, осознала, что в очередной раз дура, и жутко расстраивалась. Но при этом прям не могла пройти мимо. То ли из жалости к этим бабушкам, то ли в знак поддержки, то ли еще по другим своим понятиям. Это был ее какой-то абсолютно необъяснимый ритуал. Ее, естественно, частенько надували и подсовывали полное говно. Какие-нибудь просроченные таблетки от головной боли, например (а у Валентины голова никогда не болела!) – таблетки! в переходе! с рук! Уму непостижимо! Но нет, Валентина, хоть и расстроилась тогда, что просроченные (в переходе сослепу не разглядела на коробочке мелкие цифры), но сказала, что купила их у женщины с честными глазами (это она разглядела). Честные глаза, по словам Валентины, были у всех бабушек во всех переходах! Они – и бабушки, и глаза – приманивали Валентину своей порядочностью и жалобностью. В другой раз она принесла из перехода теплые домашние тапочки с аппликацией – на каждом по ежику с мухомором на спинке. И снова их продавала женщина с честными глазами. Красивые, вроде как и сделанные хорошо – ручная работа, похвасталась хозяйка. И не особо дорогие. Но, как дома выяснилось, разного размера – одна тапка валентиновского сорокового, другая – тридцать восьмого. Мерить в переходе не хотелось – мокро,

грязно, холодно. А у честной бабки, наверное, разносортница случилась, вот и нашла дуру, то есть Валентину, всучила. С тех пор выражение «женщина с честными глазами» стало у Крещенских символом вранья и наивности. Но в остальном Валентина была бабой доброй и надежной. Вот обе они и хлопотали над махоньким Алешкой, пока Катюля, истощенная очередной кормежкой, спала без задних ног.

Новоиспеченные бабушка с дедушкой. Пока движения неловкие, но немного практики – и все наладится!

Надо сказать, что у каждого члена семьи лицо прям-таки дурело от счастья, стоило только подойти к кроватке с дитя-

тей. Дитятю Катя с Дементиём назвали Лешкой, имя, которое в свое время предназначалось мальчику, если бы родился он у Алены с Робертом. Но нет, не случилось, родились две девки. А тут, во втором поколении, все совпало – и имя хорошее, доброе, всем понравилось, и мечта бабушки и дедушки заполучить Лешку в семью исполнилась.

Роберт пока смотреть – смотрел, но брать сокровище побаивался, хотя молодая бабушка, Алена, пользовалась любой возможностью, чтобы впихнуть-таки младенца ему в руки. Зато на Аленин день рождения, через две недельки после рождения внука, Роберт написал новоиспеченной бабушке поздравительную колыбельную:

Баюшки-баюшки... Нынче без обмана
Настоящей бабушкой стала наша мама.
Баюшки-баюшки... Пусть земля узнает:
Молодая бабушка счастье пеленает!
А у нашей бабушки дочка – как подруга...
Баюшки-баюшки... Жизнь идет по кругу...
Баюшки-баюшки... И не скажешь точно:
То ли внук у бабушки, то ли брат у дочки.

Лиска, большая уже деваха, помимо помощи, племянника всячески использовала в корыстных целях: она училась в выпускном классе и любила подвалить к школе с колясочкой да погремушечкой и прогуливалась себе у входа, чем вызывала горячее сочувствие родителей пока еще бездетных од-

ноклассников и даже некоторых учителей. А как же, еще десятый класс не закончила, а уже мать, ядрена мать...

Но больше всех почему-то от счастья ошалел Бонька, любимый семейный спаниель. Он очень любил

Впервые бабушка!

Катю и после Лидки считал ее главной своей кормилицей

и подругой. Так вот, когда увидел ее с ребеночком, сначала насторожился, тщательно и вдумчиво принюхался и вдруг заорал, прям как баба, хотя был уже вполне взрослый кобель, долго, протяжно, с руладами и всхлипами. Подошел с некоторой опаской поближе, громко и натужно задышал, пытаюсь втянуть в себя, видимо, для успокоения, весь Катин запах и ее шевелящегося сверточка, а потом затих, положив умную голову ей на колени...

Отпустило Катерину не сразу. Застарелая женская боль так долго владела ее телом и разумом, что с бездетностью своей она почти свыклась, душа крылышки опустила и тихо потекла по жизненному пути, не видя более в нем особого смысла. Но выстрадав наконец ребеночка, вылежав его в буквальном смысле слова и родив, хоть чуть раньше срока, но все-таки родив, живого, кричащего, совсем не подозревающего о том, сколько для этого пришлось испытать матери, она с головы до пят наполнилась гормонами счастья, которые умный пес сразу учуял. И даже угадал своим мудрым чутьем, что источник этой радости – ошеломительно и волнующе пахнувший мелкий живой человечек, который ни с того ни с сего появился в доме. Глаз Бонька с двери детской не сводил, полеживал, уютно устроившись в углу коридора, и следил за всеми, кто осмеливался войти в заветную комнату, где так густо пахло счастьем. Активный младенческий запах этот был ему еще не знаком, не встречался пока на жизненном пути, и собачье сердце каждый раз интуитивно убыстря-

ло ход, когда кто-то пронесил малыша мимо. И Бонька сразу посчитал его своим, самым главным, тем, ради кого в семье все и было задумано. В общем-то, не ошибся.

Дементий, счастливый отец, подытоживал свои командировочные дела в далекой Индии, но они никак не итожились, командировку все продлевали и продлевали, поскольку не могли определиться со сменой караула. Кормили обещаниями: то отправим домой сразу после майских, а если никак не получится, то в июле уж точно, ну а осенью так вообще стопроцентно... Катя писала мужу слезливые письма, что ждет, как одинокая гармонь, что сын потихоньку растет, что головку держит, скоро сделает первые шаги, слово «папа» вот-вот скажет, а там уже и в школу пора, и жениться, а папка никак не едет.

Очухаться после родов у Кати долго не получалось. Этот вроде как естественный родовой процесс стал для нее слишком серьезным испытанием, не только морально, но и физически. Она несколько часов кряду кряхтела и постанывала в предродовой, лежа на липкой оранжевой клеенке и слушая истошные крики мучениц из соседнего, родильного, зала. В родильный зал она переходить боялась, надеялась все-таки родить здесь. Название звучало слишком уж напыщенно и устрашающе – родовой зал... Да и орать женщины начинали сразу, как только за ними закрывались тяжелые двухстворчатые двери. В предродовой – нет, всё было тихо-мирно, ну пусть кто-то мог позволить себе чуть застонать, а там, в за-

ле... Так что мечталось родить здесь, в тишине, на этой липкой клеенке.

Но боль нарастала. Она была выматывающая, ни с чем не сравнимая, долгая и жгучая. К Катерине изредка подходила рукастая и сисястая тетка, сильная духом и телом, в бывшем белом халате, бесцеремонно залезала в нутро, закатывала глаза, шептала какие-то цифры и шла дальше по конвейеру. Тетка была циничной и строгой, работу свою делала уверенно и в разговоры с роженицами не вступала, словно это были немые безымянные машины по производству детей.

Через пару часов мучений после очередного осмотра Катю отлепили от клеенки и, уже совершенно обессиленную и измотанную, повели все-таки в родовую. Сил уже не было, и сопротивляться было бесполезно. Хотя даже с кушетки ей было страшно встать: казалось, только она поднимется на ноги, дите, которого она столько месяцев выпестывала и вылеживала, выскользнет наружу. Но нет, вредный ребенок, наделавший столько шума за эту нестерпимо долгую беременность и норовящий все время вылезти на волю при любом удобном моменте, сейчас вцепился в мать изнутри, притих и не желал двигаться с места. Ни сверхчеловеческие потуги, ни внутренние переговоры с маленьким упрямым, ни уколы, ни мудрые указания врачей вот уже сколько времени разродиться не помогали. Катя полулежала-полусидела на холодном металлическом постаменте, почти неприкрытая, выставленная на всеобщее обозрение, и ей было абсолютно на

все наплевать – боль затмевала всякий стыд. Только бы скорее это закончилось, мечтала она. И больше ни-ког-да! В родильном зале господствовала уже другая акушерка, похудее, позначительнее и поизмученнее. Глаза у нее были пугающе яркие, кафельно-голубые и слегка воспаленные. Наверное, продежурила всю ночь, решила Катя, глядя на ее усталое лицо и незакрывающиеся глаза. Акушерка еще раз осмотрела новенькую и сразу решила идти на крайние меры: позвала санитаря, огромного рыжего парня, который с ходу, не поздоровавшись, лег, как пресс, на Катин живот, чтобы выдавить из чрева нахального ребенка. Не тут-то было! Малец хоть немного и продвинулся к выходу, но родиться, то есть выходить на волю, не желал. Или не мог.

– Ну, девочка, сейчас придется потерпеть, – предупредила врачиха. Катя от страха затихла, и тут ей без лишних реверансов акушерка смачно взрезала промежность. Она только и услышала странный звук «ххррум» – и сразу чей-то дикий животный крик, будто неопытный живодер по-садистки медленно разделявал пока еще живую свинью. Кричала она сама.

Санитар, словно и не слыша истошного Катиного крика, снова приналег ей на живот и по-молодецки поднажал, стараясь, как Кате показалось, выдавить вместе с ребенком хотя бы часть ее внутренностей. Но родился только мальчишка. И вот, когда наконец с нее слез санитар, а Катя, обессиленная и полуживая от боли и ужаса, выполнила свой материн-

ский и гражданский долг и с надеждой глубоко и облегченно вздохнула, акушерка, пристроившись у ее ног, снова с ней заговорила. А может, и не с ней, а сама с собой:

– И что мы тут будем обезболивать, милая моя? Совершенно нечего здесь обезболивать! Сейчас быстренько тебя зашьем, разрез-то всего ничего! А не взрезали бы – порвалась бы вся вкривь и вкось. Зато как сейчас красиво – аккуратноненько, пряменько, хоть прямиком на выставку! Пару шовчиков наложим – всего-то ничего! Совсем не больно, – неспешно врала акушерка, вдевая толстую нитку в кривую иголку. – Ты же умная девочка, понимаешь, анестезия – это укол! Так и я тоже буду колоть, прокалывать, можно мой прокольчик легко перетерпеть без анестезии, это ж почти то же самое! А с заморозкой выйдет долго, да и лишние лекарства ни к чему, накачали вон тебя за всю беременность. А если уж совсем невмоготу будет – покричи, у нас тут все кричат, такая, видишь ли, и у вас, и у нас драматическая работа...

Сидеть потом Кате было запрещено надолго, брать на руки ребенка (тяжелый!) – тоже. Мама ей подносила сына кормиться, только когда она лежала. За эти долгие больничные месяцы вынашивания, а вернее, вылеживания, все у нее в теле атрофировалось, ноги превратились в беспомощные тонкие палки, а мышцы вообще куда-то делись. Да и после родов, уже дома, она все время валялась, как мясо на прилавке. Не было ни сил, ни желаний. Внутреннее счастье, да, бы-

ло, но силы исчезли совершенно. Двигалась она медленно и плавно, ходила по стеночке, чтобы вдруг не повело голову. Но дома и стены лечат. Вскоре молодость взяла свое, девочка восстала, приободрилась и вошла в новое жизненное русло.

Карие вишни

К концу второго Алешкиного месяца Катя окрепла настолько, чтобы претворить в жизнь свое первое четко сформулированное желание после почти восьмимесячного отсутствия – выйти в свет, а именно в театр Ленком на «Юнону и Авось». Спектакль этот был ее любимым с самой его премьеры, куда они ходили с папой и мамой. А потом еще несколько раз с Лидкой, давно, еще до поездки в Индию. Обе каждый раз влюбленно и трепетно смотрели на Караченцова и срочно хотели к нему, туда, на сцену...

– Ведь он не очень-то по-мужски и красив, Козочка, посмотри внимательно, – страстно каждый раз шептала Лидка внучке, – эти выпуклые глаза, этот большой рот и крупные щербатые зубы, но какое невероятное обаяние, какой темперамент, как он грациозно движется, как, извини мой французский, прет от него мужиком, это же черт знает, что это такое! Был у меня в молодости один, – Лидка набрала в грудь воздуха, чтобы продолжить, но потом засуетилась, встряхнула головой и лукаво улыбнувшись, прошептала: – Хотя пусть эта глава моей жизни останется неопубликованной...

Они долго еще после каждого просмотренного спектакля говорили о Караченцове, который на тот момент был для обеих эталоном мужчины, но не меньше обсуждали и актрису, которая играла Кончиту:

– Он же как бронепоезд, энергия, свист, дым изо всех дыр! А эта ну никакущая, холодная и застывшая, как мороженая треска с пустым глазом, в ней ни капли женского, она просто играет роль! Ни петь, ни свистеть, ни плясать, ни топать! Она же деревянная по пояс, просто девушка средней красоты, никто на нее и не обернется! Хотя, наверное, спит с кем-то очень важным. Но все равно, не понимаю, как такую могли дать в пару этому великому мужчине? Как? – все не могла остановиться Лидка.

Вот Кате и захотелось взглянуть спустя годы на своего любимого графа Резанова и обновить те чувства, которые ее захлестнули тогда с невероятной силой. Билеты папа достал сразу, один звонок – и пожалуйста, первый ряд, как дочка просила! Хотя в Москве в это время проходил какой-то съезд, и почти весь зрительный зал на «Юноне» был отдан понаехавшим со всего Советского Союза депутатам.

Намыливались-накрашивались долго, хотелось выглядеть на все сто! Лидка с утра сделала маску, ходила, пугала всех белым масляным лицом, а потом отдалась парикмахерше, которую ради такого важного случая вызвала на дом. Ближе к вечеру намастырила брови, ворча, что отрасли, как у Брежнева, достала из загашников дорогую французскую тушь и не постеснялась взять самую яркую, кроваво-красную помаду, первый ряд все-таки. А платье надела темно-синее, с люрексом, не наглым, а интеллигентным, слегка заметным, но все же, в надежде, что оно будет томно поблескивать в отсвете

софитов и граф Резанов не сможет ее не заметить... Шла как на свиданье, ну и выбрала, естественно, самое красивое. Катя же решила, что напялит длинный шелковый черно-белый балахон, который вообще-то был предназначен для лета, но подошел и для ранней весны, поскольку ни во что другое новоиспеченная мама еще не влезала. Ушли, заговорщицки переглянувшись. Лешку остались сторожить мама, сестра и нянька Валентина.

– Иди-иди, Кукочка! – подталкивала ее к выходу мама, – выходишь первый раз почти за год! Надо будет потом это отметить! Главное, молоко сцедила, поэтому не спеши, голодным Лешка не останется, мы уж тут как-нибудь втроем, – но, увидев Роберта, который тоже вышел проводить дочку с тещей к лифту, поправилась: – Вчетвером с ним справимся!

Как славно и в общем-то непривычно было идти по вечерней мартовской Москве! От дома до театра недалеко – минут пятнадцать, и Лидка, понимая, что Катюле надо подышать, можно сказать, первый раз за все это долгое время согласилась, чтобы не ехать одну остановку на троллейбусе, а пройти пешком, при условии, чтоб только тихонько и не торопясь. Бабушка обеими руками ухватилась за внучку, и они отправились в театр. Аллуся даже вышла на балкон, чтобы проследить за их торжественным проходом по двору, хотя и видно уже ничего почти не было. Катя до этого на улицу почти не выходила. Разве только до машины и обратно, чтобы съездить с ребенком к врачу. Гулять с малышом тоже са-

ма почти не гуляла, покормив, сдавала его маме, Валентине или сестре и без сил заваливалась спать. А сейчас радовалась возможности идти, хоть ноги слушались все еще неважно, и даже Лидка ее слегка подбадривала:

– Ничего, Козочка, скоро будешь бегать, дай только время, потом прям хоть в космос лети! Это пока все временные трудности... Но все равно старайся получать от жизни удовольствие, иначе она теряет смысл, – Лидка тяжело висела на внучке, боясь поскользнуться. От этого Кате становилось совсем невмоготу, но она не роптала.

Март уже подрастопил снег, он лежал черными горками во дворе, но на улице Горького было уже по-весеннему чисто. Мартовский запах сильно отличался от февральского, во всяком случае Кате так казалось. Воздух уже не был таким колючим и замороженным, как еще совсем недавно, инертным и безучастным, а стал более живым и обновленным, посвежел и слегка отогрелся, словно в него впрыснули тепленького кислорода. Катя поняла, что радуется совсем незначительным мелочам, которые раньше бы ни в жизнь не заметила: неуклюжему троллейбусу с нахохленными пассажирами, который прошелестел мимо и на который они демонстративно не сели, красочным восьмимартовским витринам ее любимого книжного «Москва», высоким голым липам, старинным люстрам красавца Елисеевского, знакомой двери Дома актера и дальше, через дорогу, вечно задумавшемуся Пушкину, маленькому скверу за ним, куполам церковки на уг-

лу улицы Чехова и даже толпе у входа в театр.

Когда они проходили мимо дома на Пушкинской площади, где еще совсем недавно жила Лидкина подруга Надька Новенькая, Катя вдруг вспомнила, как бабушка водила ее к ней совсем еще девочкой. Жила Надька на втором этаже прямо над булочной в просторной комнате с балконом, выходящим на скверик с Пушкиным. Стоял он к балкону полубоком, а грубо говоря, задом, задумчиво опустив кудрявую голову, и Катя любила следить, как на него садятся голуби, дерутся за место на плечах, подскакивают и машут крыльями. А еще на балконе, да и в комнате тоже, всегда зазывно пахло теплым хлебом, хоть завозили его в магазин внизу всего раз в день, рано утром. Но живородящий аромат этот давно уже въелся в стены и действовал расслабляюще, отзываясь в основных человеческих инстинктах. Хлеб означал спокойствие, сытость, благополучие... Вот Катя и зависала на балконе, вдыхая домашний хлебный запах, доносящийся из булочной, и наблюдая за торопливыми пешеходами. Квартира у Надьки была огромная, коммунальная, с миллионом комнат и коридором, который от входа сразу уводил куда-то влево. Надькина комната была первой по ходу, и Катя далеко по коридору не уходила, ни к чему было, никогда не надобилось, но однажды попросилась в туалет. Надька ее проводила, вроде как и совсем недалеко, через четыре двустворчатые соседские двери. Только собралась она присесть, как в дверь громко забарабанили:

– Ну-ка, выходи оттудова! – раздался скрипучий настойчивый голос, сразу даже было и непонятно, мужской или женский. – Выходи, кому говорят!

Голос откашлялся, но остался таким же хриплым и грубым, хотя и стал более женским. Катя испуганно притаилась, не зная, как поступить. Выходить было страшно. Колонка над покоцанной ванной зловеще гудела и шипела, обилие разномастных тазов, развешанных по стенам, завораживало, тут же висела и коллекция унитазных накладок, и оставаться в этом подтухшем неприятном месте совсем не хотелось. Катя стояла у двери, упершись взглядом в расписание, кто из соседей когда моется.

Нашла знакомую фамилию: Новенькая Н., по вторникам, с 18:00 до 18:45. Больше делать в этой тусклой ванной было нечего – писать девочке давно расхотелось... А выходить к этой скрипучей бабе-яге тем более!

– Кому говорю, стерва, освободи помещение! Быстро домой! Все равно мимо не пройдешь! – снова заскрипел голос, и следом кто-то так сильно пнул дверь, что крючок аж подпрыгнул.

– Ну, гляди, если не боишься! Вот сейчас водяная крыса тебе жопу-то и откусит! Щас я их напушу, и они все враз из унитаза-то полезут! Смотри, Стеллка, зубы-то у них ядовитые, у крыс-то, жопу укусят и сразу насмерть! По-хорошему выходи, Стеллка, блядина, выходи, иначе капец!

– Так, Зинаида, у тебя опять пасть нараспашку! – раздался

под дверью уборной спасительный Надькин голос. – Ты что мне тут гостей пугаешь? Ну-ка отойди от двери!

Надька командовала громко и смачно, словно дорвалась наконец до власти.

– Дык, Надюх, я решила, что там Стеллка моя прячется! Думает, я ее в сортире не достану, словно ей домой возвращаться не придется!

– Так, двигай давай отсюда, Стеллка твоя, небось, под кроватью давно сидит прячется, вот и иди выживай!

Шаги за дверью удалились, и Катя на Надькин голос с опаской приоткрыла дверь.

– Ее нет? Бежим! – Катя взяла Надьку за руку, и они побежали по коридору к спасительной двери.

Надька рассказала потом, что Стеллка, а лет ей тогда было тринадцать-четырнадцать, та еще оторва. Вся квартира от нее страдала, держали все под замком, но закон ей был не писан – то чужое письмо вскрыет и начнет при всех его декламировать (а ты еще попробуй отними), то Сапуновым зеленку в зеленые щи нальет (чтоб зеленее были), то однажды у новых босоножек, которые Ритка Головкина урвала у спекулянтки, один каблучок подпилила напильником так, что поначалу и незаметно было. А потом долго радовалась, когда Ритка их напялила и враскоряку пошла, удивляясь, что вдруг хромать стала. И управы на нее нет, на Стеллку эту, растет без отца, а мать не справляется, сетовала Надька. Но Катя была маленькая, все эти объяснения были ей ни к че-

му, и она сильно тогда была напугана. По ночам не могла заснуть, прислушивалась, не приползут ли эти водяные крысы с ядовитыми зубами, да и в туалет заходила с опаской, пока папа с мамой не показали их ей в зоопарке – большие, милые, усатые, под названием «ондатра». Они, даже если б очень захотели, никогда б и не влезли в унитаз, чего их бояться, успокоил ее тогда папа... Но это было давно – тогда...

И вот теперь театр, и уже граф Николай Резанов – ах, как же Караченцову шла эта рубашка-апаш, расстегнутая чуть ли не до самого пояса, – отправляется в далекую экспедицию, и вот уже встречается с Комендантом в Калифорнии и делает подарок дочери, но говорит пока еще совершенно сухим и бесстрастным голосом:

«В день пятнадцатилетия дочери вашей – Марии де ля Кончепчион де Аргуэльо – имею честь презентовать ей золотую диадему, осыпанную драгоценными камнями из коллекции императрицы Екатерины. Пусть примет она сей дар как знак светлой дружбы между нашими державами».

Пока Караченцов был холоден, строг и неприступен, может, даже слишком деловит и дерзок. Лидка неосознанно слегка поежилась, и Катя это почувствовала. А еще сзади, прямо за ней, какая-то делегатка отчаянно кашляла, мешая наслаждаться прекрасным графом на сцене. Катя пару раз обернулась, мол, вышли бы в фойе, тетенька, прокашлялись бы, но бабка непоколебимо сидела горой и мощно и вызывающе кашляла, мешая окружающим наслаждаться завора-

живающим действием. Лидка совсем было загрустила, но вот снова начали петь ее любимую песню, и она тотчас оттаяла:

Ты меня на рассвете разбудишь,
Проводить необутая выйдешь.
Ты меня никогда не забудешь,
Ты меня никогда не увидишь...
Заслонивши тебя от простуды,
Я подумая, Боже Всевышний!..

И снова сзади «кхе-кхе-кхе» – на весь зал в самый прекрасный момент... И теперь уже Кончита что-то долго говорит на испанском, и тут окрик Резанова переводчику: «Не надо! Я понял!» Окрик, который сильнее всех объяснений в любви... И снова испанка, теперь уже по-русски:

Я знаю, чем скорей уедешь ты,
тем мы скорее вечно будем вместе.
Как не хочу, чтоб уезжал,
как я хочу, чтоб ты скорей уехал,
Возьми меня, возлюбленный, с собой.
Я буду тебе парусом в дороге.
Я буду сердцем бури предвещать,
Мне кажется, что я тебя теряю...

И их дуэт, самый чувственно сильный из всех, что Катя когда-то слышала, и слезы из глаз у обоих, и сплетенные руки, и объятия, даже неловко было при таком присутствовать,

тут свидетелей не должно было быть.

Я тебя никогда не увижу,
Я тебя никогда не забуду...
Я тебя никогда не увижу,
Я тебя никогда не забуду...

И тут Лидка, со слезами на глазах и, скорей всего, из разъядающей ее ревности, страстно зашептала Кате на ухо:

– Ну ты согласна, что она ему не пара? Столько лет прошло, а ее так и не заменили! Ну рыба же! Ры-ба! Неужели Захаров не чувствует такого диссонанса? Он, конечно же, мастер деталей, мелочей; он тактик, но нисколько не стратег; он не в состоянии охватить общего, всей картины, от нее прямо прет фальшь... – продолжался Лидкин нервный шепот и всхлипывания. – Это же должна быть невероятно взаимная любовь! (Лидка мастерски выделила слово «взаимная».) Она должна литься со сцены и ощущаться в зале! А от этой ничего не исходит, она как... как очищенная картошка... Нет, ну ты со мной согласна? – Лидка так пихнула Катю локтем в бок, что ей тут же пришлось согласиться.

– Кхе-кхе! – напомнили о себе сзади.

– Женщина, – не сдержалась Лидка, – я вам решительно заявляю: болеть надо у себя дома, а не в общественном месте, уж тем более в театре! Вы же всем портите восприятие! Безобразие! Уймись наконец!

Тетка сзади притихла, давясь кашлем, но из зала не вы-

шла, она тоже была в слезах.

Лидка снова мысленно перенеслась туда, на сцену, в объятия графа Резанова, и ее колдовские глаза лучились зелеными искрами, несмотря на роскошную зрелость, клонящуюся к закату. Она поблескивала интеллигентным люрексом и смотрела во все глаза из своего первого ряда на прекрасного графа Караченцова. Он, как назло, нависал со сцены прямо над ней, а она, раскрасневшаяся и томная, любила его в этот самый миг, ничего не требуя взамен, любила неистово и млела, глядя на то, как дрожит каждый его мускул под обтягивающей одеждой, как выступают капли пота на его милом лице и смотрят куда-то вдаль его прекрасные ка-а-ари-ие ви-и-ишни-и-и...

Сколько было дома разговоров о том, какой он волшебный, талантливый, обаятельный, как актерски вырос за годы, что она его не видела, и что надо срочно пойти посмотреть остальные спектакли, где он играет. И Катерина была под невероятным впечатлением и от спектакля, и от графа, и от прогулки, и от самой Москвы, по которой за все ее индийские годы она так, оказывается, соскучилась.

Зараза

Дней через пять Катя закашлялась очень похожим кашлем на теткин, тот самый, театральный. А вскоре и Лешку стало корежить. Откашляться он не мог, совсем не умел еще, складывал губки курьей жопкой, давился, краснел, извивался, но продолжал захлебываться слизью. Вызвали скорую, повезли в больницу. По дороге случился еще один тяжелый приступ, и врач, пожилая мрачноватая женщина, видевшая всё и вся, с уверенностью заявила: коклюш, у обоих. Адрес районной детской больницы моментально изменили на инфекционную. Синеющего ребенка сразу же положили в интенсивную терапию, испуганная Катя пристроилась рядом. Оба заходились в кашле, только Лешка беззвучно, а Катя постоянно драла себе глотку, издавая нечеловеческие звуки – то кукарекая приступами по-петушиному, то лая басом на врачей, которые заходили в палату. Им-то что, они, небось, все в детстве переболели, а Катя не успела, из всех детских болезней отличилась лишь в десять лет только долгой и изматывающей скарлатиной. С коклюшем же встрети-лась только сейчас.

Оба болели тяжело: одна – потому что все эти детские болезни взрослыми переносятся слишком тяжело и изнурительно, другой, мелкий, потому что не набрал еще нужных рефлексов и навыков, иными словами, просто пока еще не

научился хорошенько откашливаться, да и зараза попалась едкая. Слизь забивала нос, горло, трахею, ребенок страшно вращал глазами, пытаясь глотнуть воздуха и – не получалось. Есть тоже не мог, как только брал грудь, носом шла слизь, и Катя маленькой клизмочкой пыталась ее убрать. За несколько дней болезни он похудел и сильно побледнел, его часто рвало, он перестал сосать и почти не спал – задыхался.

Первый день коклюша. Пока решили, что болят ушки

Дедушка приехал навестить внука в больницу

Катя не спала тоже, висела на его кроватке, как перекинутое через веревку бельё. Как только слышала хрюкающие звуки – начинала орудовать отсосом, вытягивая из микроскопического носика вязкую слизь, забивающую все прохо-

ды, – это единственное, что ненадолго помогало справиться с задержкой дыхания. Иногда звуки из маленькой кроватки переставали слышаться вообще, и это было намного страшнее – тяжелые апноэ, остановки дыхания случались все чаще и чаще, доходило и до судорог. Бывало, Кате и времени не хватало, чтобы позвать на помощь, она научилась приводить ребенка в чувство сама, главное – не заснуть, то есть совсем не спать.

Через неделю борьбы с коклюшем созвали консилиум – состояние ребенка ухудшалось на глазах. Лешку забрали на совет одного, «мамочку» попросили подождать в палате и не беспокоиться, ей сразу сообщат решение.

Катя пару минут постояла на свежем воздухе – у каждого бокса был свой отдельный выход во двор, чтобы инфекция не вырывалась в больничный коридор. Холодный уличный воздух вызвал сильный приступ кашля, и она сразу вернулась в палату. Ей вдруг стало очень страшно, она на секунду представила, что с ее маленьким Лешкой может что-то случиться, что-то непоправимое, ужасное... Осиротевшая кроватка стояла посреди палаты, и Катя, как заключенная, стала монотонно ходить вокруг нее, наматывая круги и стараясь ни о чем не думать. Порядочно устав, решила все же не садиться, чтобы не заснуть.

Промучилась в неведении довольно долго, хотела выйти уже в запретный коридор, но вот за дверью раздалось шарканье, и медсестра вручила ребенка мамаше. Лешка спал как

ни в чем не бывало, пожалуй, такого спокойного выражения лица Катерина давно не видела, в больнице уж точно. Но дышал он все равно с трудом, и каждый вдох сопровождался жалобным подсвистыванием.

– Врач придет, все сам расскажет, – многообещающе сказала сестричка и поспешила скрыться. Лечащий врач пришел не один и не сразу, видимо, осматривали не одного только Лешку. Сухонькая старушка, которая приковыляла следом, оказалась профессором по детским инфекционным болезням, вида аристократического, с искусно уложенными голубыми волосами и в жемчужном колье, уже совсем не украшавшем старинную шею.

– Ну что ж, милочка, – с невиданной здесь улыбкой обратилась она к Катерине, – меня зовут Новелла Николаевна, а вы, – она, надев очки, вчиталась в историю болезни, – Екатерина Робертовна, как я вижу. Должна сказать, что по вашему малышу у нас были долгие споры, – она бросила едкий взгляд на лечащего. – Я все-таки думаю, что ваш ребеночек вполне перспективный...

– Что это значит, не поняла? – спросила взбудораженная Катя.

– Это значит, – начала спокойно объяснять профессорша, – что, несмотря на всю тяжесть течения болезни, ребенок должен выжить и, возможно, со временем полностью поправиться. Двухмесячный ребенок совсем не приспособлен для сопротивления этой серьезной инфекции.

Катя аж подавилась воздухом, услышав такое новое для нее мнение и надолго закашлялась. Это удивило. А как могло быть иначе? Конечно, выживет, что за бред, обязательно поправится, как иначе, куда он теперь от нее денется? Доктор, видимо, решила все как можно более подробно рассказать, и поэтому села, ноги ее не очень держали, да и каблук для такого почтенного возраста казались высоковаты.

– Проблема наша с вами в том, – начала она многообещающе, – что иммунная система у грудничков еще только формируется, и защиты против такого серьезного заболевания пока нет, на лицо незрелость кашлевого центра. Иными словами, слишком он маленький для такой опасной болезни. Но, что важно, несмотря на, повторюсь, очевидную тяжесть течения, пока не присоединилась вторичная инфекция, пока нет, слава богу, осложнения на легкие, да и не вижу, скажем, признаков отита, а это тоже весьма важно. Любой распадник инфекции усугубляет ситуацию.

– А что же тогда не нравится лечащему врачу? – спросила, чуть успокоившись, Катя.

– Ну, смотрите, буду с вами откровенна, вы мать, вы все должны понимать. Сейчас все силы малыша уходят на поддержание самой главной жизненной функции – дыхания, а оно у него резко нарушено. Часто возникают апноэ, остановки дыхания, вы сами это знаете, и сколько каждое продлится – никому не известно. Кислород в этот момент в мозг не поступает – возникает кислородное голодание. Вот смот-

рите, – она привсталала и облокотилась на Лешкину кровать. – У него взор плавающий, глазки полусомкнутые, голова слишком запрокинута – видно, что мозг страдает. Выраженный гидроцефальный синдром. Можно порекомендовать провести люмбальную пункцию, чтобы снять лишнее напряжение...

Про лишнее напряжение Катя все понимала, она стала замечать, что последнее время у сына стал более явно пульсировать родничок, который повторял все импульсы крохотного сердечка, и она сама могла слушать его кончиками пальцев. Катя сидела, как замороженная, – с ней никто так долго и так подробно здесь, в больнице, еще не разговаривал, так страшно и так понятно. С ней вообще почти не общалась, словно она случайно зашла в детскую палату. Медсестры суетливо забегали по утрам, брали кровь у сына из крохотной пяточки, мерили голову сантиметровой лентой, что-то записывали и исчезали. Следом появлялась лечащая, быстро осматривала грудничка, вертела туда-сюда, словно кусок мяса на рынке, внимательно прослушивала, но сюсюкала при этом только с ребенком, мамы вроде как и не было рядом.

Из кровати раздалось хрюканье – сын проснулся. Он закричал, завертелся, понятно было, что нос во время сна забился, и мелко-мелко, словно из последних сил, закашлял. Катя мгновенно подняла его из кровати и он, закатив жалобные глазки, громко не то заплакал, не то закричал, не то просто попытался вздохнуть.

– Ну-ну, давай откашляйся, давай, – Катя слегка встряхнула сына, чтобы он вошел в ритм и нормально задышал. – Сколько же это будет длиться?

– Сто дней. Он будет кашлять сто дней... – устало ответила профессорша, спокойно наблюдая за мамой с младенцем.

– С чего вы взяли, что именно сто? – с удивлением спросила Катя.

– Коклюш в старину называли стодневный кашель, – Новелла Николаевна медленно перебирала жемчужины на нитке, словно это были ее четки, и говорила мягким усталым голосом, слишком домашним и теплым, и, если бы не тема разговора, Катю бы плавное его течение давно усыпило. – Главное сейчас восстановить функцию дыхания в полном объеме, потому что все природные силы этого маленького человечка уходят на борьбу с кислородной недостаточностью и не остается энергии ни на еду, ни на движения, ни на развитие, ни на что. Все функции засыпают, вроде как замирают до лучших времен. И надо, чтоб эти лучшие времена настали как можно скорее.

– И что я могу сделать? – спросила отчаявшаяся было Катя. Сын у нее на руках затих, и она снова положила его в кроватку.

– Лечение мы скорректировали, все делается, чтобы вы как можно скорее вернулись домой. А вы, что же вы можете делать? – врач на секунду задумалась. – Да ничего особенного. Больше гулять – это и сыну, и вам показано, стараться

докармливать, хоть по чуть-чуть, но чтоб обязательно ел... Ну и книжки ему читайте, чтоб вырос умным мальчиком! – Новелла Николаевна отлипла от кровати и сделала несколько неловких шагов к выходу. – Все будет хорошо, не волнуйтесь и поскорей выздоравливайте!

Эта фраза прозвучала очень многообещающе, и Катя буквально схватилась за нее, словно за что-то осязаемое.

Снова помогла мама. Она приезжала утром после обхода, сразу выставляла коляску под окно и садилась рядом слушать внука – Катя в это время могла хоть урывками поспать. Лешка почти целыми днями проводил на воздухе, начал нагуливать щеки, стал меньше задыхаться, дело шло, хоть и не быстро, но шло к поправке.

Выхаживаем первенца

Лидка готовилась к приезду правнука как никогда тщательно и вдумчиво. Во-первых, освободила детям свою комнату, переехав в гостиную. А много ли ей надо? Только поспать, а все остальное время все равно на кухне. Решила, что ее комната подойдет маленькому лучше всех других. Сама все прибрала, лишние вещи спрятала по шкафам да ящикам, оставив блестящие полированные поверхности, которые можно было без труда ежедневно протирать влажной тряпочкой. Старательно вымыла окна, да так, что блестели, как чешский хрусталь, причем сама, никого к этому делу не приспособив и никому ничего не сказав. Секрет для окон у

нее был свой, с двойным эффектом: разводила она в воде нашатырный спирт, который хорошо держал и саму ее в равновесии, не давая забыться, и вдобавок прекрасно отмывал окна. Но сначала мазала зубной пастой. «Только в чистом стекле отражается чистое небо», – говорила Лидка. Крохотную детскую кроватку она закатила в угол комнаты, отодвинув свой диван так, что получился уютный закуток, отгороженный диванной спинкой от остальной комнаты, гнездышко, где можно было спрятаться от домашней суеты. Двигала все не сама, конечно, Принц помогал.

– У нас здесь слишком много мебели, может, что-то вынесем из комнаты? – Лидка в раздумьях смотрела на круглый столик на бронзовых лапах, который был, конечно, хоть красив и породист, но в преддверии приезда мальчишки оказался ни к селу ни к городу. Ни под пеленальный его не приспособить, ни под обеденный.

Принц стоял наготове, можно сказать, на низком старте, чтобы исполнить любое Лидкино желание. Схватил столик и сразу потащил его вон из комнаты.

– Толь, надо же понимать куда! – остановила его Лидка. – Я просто вслух размышляю. Здесь он не нужен, а ставить-то куда?

Она отошла как можно дальше назад, почти к стенке, чтобы охватить взглядом всю комнату, и стала рассуждать, время от времени встряхивая головой.

– Эх, я б еще занавесочку им повесила, чтобы оградить от

всякого любопытства, – размечталась Лидка.

– Да от кого их ограждать, это же их комната целиком, а не угол в коммуналке, – резонно заметил Принц. – Кто сюда из чужих пойдет?

– Ну, не скажи, дверь же сразу у входа, мало ли доброхотов, раз, сунутся без стука – и все как на ладони...

– Да ладно тебе, так ты тоже не сможешь их ото всех защитить, – Принц стоял со столиком в руках, не зная, куда теперь его поставить.

– Ну что ты с ним стоишь? Ставь на место... Ничего, не сильно-то и мешает... Я вот, Толь, про цикламен не пойму, – Лидка подошла к окошку, на котором набирал бутоны ярко-розовый цветок. – С одной стороны, земля, грязь, с другой – нежность и красота, надо ж на красивое смотреть. Вон, смотри, сколько бутончиков полезло! Я его и золой отпаивала, и сахарной водичкой раз в месяц поливаю, отзывается, а как же! Оставлю все-таки Катюле на виду, пусть смотрит и радуется! – Лидка оперлась на подоконник и вдруг увидела на стекле пятнышко, которое принялась оттирать рукавом игривого халатика.

– Надо же, мыла-мыла это окно, а на самом видном месте разводья не доглядела. А так чисто получилось, а, Толь?

– Господи, неужели ты и наверх сама лазала? – Толя от страха прижал руки к груди, в красках представив, как Лидка могла рухнуть с высоты.

– Долго ли умеючи? – хохотнула Лидка. – Главное, до-

ждать, пока все уйдут, а то замучили бы советами и запретами! А так тихонечко притащила стремяночку, запаслась газеткой, нашатыркой и зубной пастой и полезла аккуратненько наверх. Но когда я все стекла намазала пастой, вид у окон был жутковатый, как в операционной. А как пасту нашатыркой оттерла, окно прям засияло! Скажи, а?

Она горделиво стояла спиной к чистому окну, словно художник, представляющий зрителям свое новое полотно.

– Дикая ты у меня все-таки, до сих пор дикая, – постарался улыбнуться Анатолий, но получилось это у него так себе.

– Ладно тебе, в чем дикость? Что окно помыла? – Лидкины брови взлетели к небесам, а глаза выдавали полное недоумение.

– В том, что тебе, извини, уже семьдесят три, а ты, как макака в Африке, все по веткам прыгаешь. Совесть уже пора иметь к этому возрасту! – сказал Принц и понял, что перегнул палку.

– Глубокая мысль, кстати, – вполне серьезно произнесла Лидка. – Ты считаешь, что этим красочным рассказом про возраст и макаку ты меня убедил? Считаешь, что ты, такой фольклорно-занудливый элемент, можешь со спокойной душой изливать на меня перегной и брызгать говном?!

– Лидок, остановись заранее, никакого говна, я просто за тебя волнуюсь, ты же прекрасно это понимаешь! – пошел Принц на попятную.

– Я ничего уже не понимаю! Лучше помолчи, пожалуйста!

Это сейчас в твоих интересах! – Лидка выглядела вполне решительно.

– Радуйся, что я еще в силах и могу не только себя обслужить, но и вот эти вот окна! И тебе на стол подать! И всем моим! А то он устроил тут, понимаешь!

– Лидок, я правда волнуюсь! – стал мямлить Анатолий. – У меня аж запекло, заклокотало внутри, когда ты сказала, что все окна вымыла сама! И под коленками предательски защемило, их чуть в другую сторону не выгнуло... – и он слегка присел, чтобы наглядно показать, что именно у него случилось с коленками. – Главное, что ты жива-здорова, остальное для меня, правда, не так уж и важно. Вон по телевизору столько ужасов рассказывают! Вот эта, совсем новая, по ленинградскому ТВ, «Шестьсот секунд» называется – это же детектив, это же хроника преступлений! Там каждые эти шестьсот секунд кто-то умирает, кого-то убивают, страсть да и только! Зачем нашему советскому человеку все это показывать? Жили без этих ужасов, и еще сто лет проживем! Как хорошо, что телевизор стоит в гостиной, подальше от детской! Как раньше все в одной комнате с телевизором жили – не представляю...

Авария

Пролежали Катя с сыном больше месяца, на двадцать восьмое апреля как раз назначили выписку домой. Именно в день выписки больница, да и вся Москва наполнилась слухами – авария на Чернобыльской АЭС.

Официальные сведения были на редкость скудными:

«На Чернобыльской атомной электростанции произошла авария. Поврежден один из атомных реакторов. Принимаются меры по ликвидации последствий аварии. Пострадавшим оказывается помощь. Создана правительственная комиссия».

Но Москва полнилась слухами, официальной информации верили мало или не верили вообще, считали, что все намного страшнее. Каждый о произошедшем знал из первых уст, только чьи были первые уста, известно не было никому.

– Лидок, – первым позвонил встревоженный Принц Му-
дило, – надо уезжать из города, причем срочно! Все случилось на атомной станции намного раньше, нам сообщили об этом только сейчас, и к Москве уже подползает радиоактивное облако! Скажи Робочке, у вас же семья, ребеночек маленький, надо спастись!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.